

Духи, вселяющиеся в человека¹

Людмила Н. Виноградова

The article deals with a folk tradition about an evil ghost, usually in the form of an insect, possessing a human. It is believed that these notions are linked with phrases like: "flies in one's head", "flies in one's nose", etc.

Одной из причин демонологизации обычных людей, по народным представлениям, является вселение в человека злого духа, черта, беса. Это могло происходить либо с согласия человека, либо против его воли. Например, человек заключал сделку с нечистой силой в целях приобретения богатства или особой магической силы. Такие перешедшие под покровительство злых духов люди (колдуны, ведьмы и другие *знающие*), становились, как считалось, полудемоническими существами. Их двойственная природа (получеловек - полудемон) определялась наличием в человеке двух душ: обычной человеческой и вселившейся демонической души, способной по ночам покидать тело двоедушника, чтобы в виде оборотня (насекомого, животного) вредить односельчанам.

Другую категорию двоедушников образуют люди (бесноватые, одержимые, кликуши, икотницы, юродивые), которые оказываются жертвами воздействия нечистой силы, поскольку в них без их ведома и согласия вселяется вредоносный дух, вызывая тем самым болезненные состояния, умственные расстройства, но вместе с тем и пророческие, и некоторые другие сверхъестественные способности. По белорусским верованиям, если черти поселяются в человеке против его воли, то пользы лично ему от такого контакта никакой нет ("карысци ад чорта жаднае не мае"), – наоборот, черт мучает его болями, отбирает разум, толкает на ссоры (МБ, с.88). Необычное поведение бесноватых, их загадочная, как бы не им принадлежащая речь, непонятные выкрики расценивались окружающими как особые значимые прорицания, свидетельствующие о присутствии в человеке "не своего духа", беса, которого надлежало изгнать из пострадавшего.

Идея одержимости бесами как причина многих заболеваний, помешательств, истерических состояний людей, по свидетельствам этнографов, носит почти универсальный характер в верованиях большинства народов мира (Тэйлор, 1939, с.352-364; Краинский, 1900, с.8-9).

¹ This article was financially supported by RGNF (grant N 96-04-06034 "Mifologiĭeskie osnovy slavjanskoj narodnoj kul'tury").

У славян подобные верования известны как в средневековых религиозных источниках, так и в народной культуре. Одно из старейших упоминаний об этом находим в польской рукописи “Жития св. Яцека” (XIV в.), в которой повествуется о том, что некий правоверный муж изгнал из тела бесноватой женщины двух вредоносных демонов (Baranowski, 1981, s.242). В европейской житийной литературе XVI-XVII вв. такие эпизоды об изгнании бесов из тела человека стали общим местом. Вплоть до XIX века польские теологи пытались доказать, что, согласно официальным догматам католического Костела, надлежит верить тому, будто в человека может вселиться злой дух. Изданная в середине XVIII века “научная” энциклопедия ксендза Бенедикта Хмелевского включала специальный раздел под названием “Как узнать истинно одержимого бесами”, состоящий из 24 пунктов: “человек в течение 30-ти дней не может есть козлятины”, “отказывается произносить некоторые молитвы”, “на святые реликвии смотрит с ненавистью и не дает внести себя в храм божий”, “скрипит зубами”, “подражает голосам животных”, “отказывается говорить или разговаривает на иностранных языках, будучи безграмотным простаком”, “от него исходит холодное дуновение”, “он утверждает, что в желудке у него скачет уж, ящерица или жаба” и т.п. (Chmielowski, 1754, s.217-218). Значительно позже изданная книга ксендза Леона Пелловского “Мир ангелов и демонов” (1930 г.) всерьез рассматривала ситуации, когда человеком якобы завладевал бес, проникший в его тело. В польской прессе уже нынешнего столетия нашел отражение следующий факт: в январе 1926 года на центральном вокзале Варшавы был задержан некий слабоумный бродяга, у которого обнаружили справку, выданную ему ксендзом Ловицкого повета, свидетельствующую о том, что этот человек “носит в себе дьявола” (Baranowski, 1981, s. 242-243).

Поверья о вселении злого духа в человека представляют собой особый интерес для изучения такой категории мифических существ, которые не могут быть охарактеризованы как тип персонажей, имеющих четко закрепленный за ними круг индивидуальных признаков, – это скорее некое множество слабо персонифицированных мелких духов неясного облика и происхождения с единственной достаточно выразительной функцией проникать во внутренности человека, вызывая тем самым разного рода недуги. И хотя по признаку номинации они соотносятся с чертом, бесом, все же явственно обнаруживается ряд особенностей, позволяющих рассматривать группу “вселяющихся” духов как особую категорию нечистой силы.

Кто же, по народным поверьям, и какими способами проникает в человека и какие последствия для пострадавшего это имеет? Одним из наиболее распространенных способов вхождения беса в утробу человека считалось проглатывание его с едой и питьем. Согласно широко известным представлениям, бесы проникают в непокрытые и неблагословенные напитки и кушанья, в связи с чем повсеместным у восточных славян было требование крестить рот и пищу перед едой, а также прикрывать сосуды с питьевой водой крышками, тряпками или хотя бы двумя лучинками, положенными на ведро “крест-на-крест, чтобы черт не влез”. Опасаясь проглотить незримую нечистую силу, люди избегали пить воду из ручья прямо ртом, крестили рот во время зевоты, чтобы бес не заскочил. Запрещалось есть на ходу или переступая порог дома, а в полночь вообще остерегались есть, так как это “бесовское время, и нет возможности оградить пищу от беса” (РДС, с.48-49). По этим же соображениям следовало непременно креститься во время раскатов грома,

ибо во время грозы небесные силы стараются поразить молниями чертей, которые ищут убежища, скрываясь в человеке.

Отношение к таким жертвам воздействия злых духов было сочувственным и терпеливым. По свидетельству С.В.Максимова, когда в церкви происходят шумные припадки кликушества, на лицах прихожан появляется выражение сердечного участия и сострадания: “Это мягкое и сердечное отношение к кликушам покоится на том предположении, что не сам человек, пришедший в храм помолиться, нарушает церковное благочиние и вводит в соблазн, но тот злой дух, который вселился в него и овладел всем его существом” (Максимов, 1989, с.91). Сами женщины, страдающие припадками истерии, твердо и непоколебимо убеждены, что это бесы вселились в их нутро, что они проникли через неперекрещенный рот во время зевоты или в питье и еде: “Дала мне колдунья вина, – сообщает порченная, – пей, говорит, зелено вино, здоровее будешь, а только я выпила, – и стал у меня в животе кто-то сперва аукать, а из живота в рот перешел и стал выражать плохие слова, непотребно ругаться” (Максимов, 1989, с.93).

Если в воде, по народным поверьям, часто может оказаться нечистый дух, то в пиве и вине (в любом сброженном напитке) он есть всегда и обязательно, поэтому перед питьем надлежит перекрестить чарку или подуть на нее, чтобы отогнать нечистую силу (Власова, 1995, с.288). По-видимому, с этим связаны широко известные представления, что в человека, страдающего запоем, всенепременно вселяется черт.

Чтобы не проглотить вредоносных духов, люди закрещивали или благославляли еду и питье, следили, чтобы в сосуд не попали насекомые, сдували с поверхности пищи и воды незримых бесов. Обмывание рук перед едой тоже считалось предохранительным средством против проникновения в утробу человека нечистой силы. Если перекусывать приходилось за пределами дома, а воды поблизости не было, то верили, что достаточно перед едой трижды подуть на свои руки, “чтобы согнать нечистых с рук” (вологодск. – Власова, 1995, с.256).

Бес мог войти в человека не только во время еды, питья, при зевании, но и при неосторожном упоминании имени черта или беса. Как рассказывается в одной из новгородских быличек, в результате произнесенного разгневанным мужем проклятья в адрес жены (“чтобы тебя черти взяли”), – женщина тут же сделалась не в себе, ее глаза налились кровью, она стала удивлять всех необычной силой, тем, что не узнавала своих детей, плевала на иконы и вела себя как бесноватая (Власова, 1995, с.348). В народе верили, что бесу легче всего проникнуть в того, кто не молится, не крестится, ругается или поминает нечистую силу; в того, кто тоскует, “охвачен думой”, угнетен тяжелой мыслью, кто имеет привычку есть на ходу (РДС, с.48).

Проникновение злого духа в нутро человека могло осуществляться в результате вредоносной магии, специально насылаемой порчи колдунами и “лихими людьми”. Многочисленные случаи обвинений в адрес односельчан, якобы “посадивших черта” в утробу пострадавшего, упоминаются в судебных актах ведовских процессов. Способными причинить вред считались такие действия со стороны недоброжелателей, как проклятие, прикосновение, поцелуй, выпускание табачного дыма в сторону своей жертвы, попытка дунуть на человека и т.п. В одном из судебных актов 1826 года (Томской губ.) записаны показания о том, что некий крестьянин поцеловал насильно девку Марфу и дунул на нее при этом; с того времени почувствовала она великую грусть, а затем пришла в безумие и стала говорить, что

внутри у нее “молодец запасен и закреплен”, а засадил его туда этот крестьянин (Краинский, 1900, с.52).

Среди наиболее типичных признаков бесноватости в русских поверьях считались произвольные крики пострадавшего, который под воздействием злого духа начинал *кликать*, отзывался голосами животных, бранился “черными словами”. Кроме того, состояние невменяемости, одержимости часто сопровождалось сильной икотой, зевотой, ознобом, истерическими припадками. В севернорусских областях одной из разновидностей кликушества признавали *икоту*. Эта по преимуществу женская болезнь проявлялась по-разному, но почти всегда, по народным поверьям, была связана с особенностями речевого поведения человека, который либо лишался дара речи и начинал “ухать”, кричать по-звериному, либо в нем начинал вещать “не свой” голос.

По свидетельству русских старообрядцев, проживающих в Ветковском р-не Гомельской обл., икота появляется вследствие того, что в человека вселяется некое демоническое существо и живет в нем своей жизнью. Икота, как полагали, не может существовать сама по себе вне человека или во всяком случае она испытывает потребность в нем поселиться. Этого незримого духа можно слышать и даже говорить с ним: он говорит голосом, отличным от голоса человека, в котором сидит. Нередко страдающая этой болезнью женщина при попытке заговорить начинала выть по-волчьи, куковать, кричать петухом, лаять по-собачьи (Жив. Ст., 1996, № 1, с.13). Духа икоты почти невозможно изгнать из тела человека, однако после его смерти он покидает покойника и вселяется в очередную жертву из круга родственников или знакомых умершего. В некоторых местах считали, что не нашедшая своего нового вместилища икота может просуществовать самостоятельно не более сорока дней (Никитина, 1993, с.15).

Во многих случаях само слово *икота* осмысливается как имя нечистого духа, вошедшего в человека. Вариантом этой болезни выступает в поверьях Архангельской губ. так называемая *говоруха* – термин, с помощью которого в этой местности определяется и кликушество, и лихорадка. Люди считали, что икота под названием *говоруха* менее сильная болезнь, при которой больные “не выкрикивают”, но на вопросы окружающих не отвечают (Власова, 1995, с.119). Женщин, страдающих икотой, часто воспринимали как предсказательниц будущего: “Когда у меня в войну от мужика писем не было, ходила к икотке. Она мне сказала, что он живой, – и верно ведь...” (пермск.- Власова, 1995, с.168).

Наряду с представлениями о бесплотности и невидимости проникающего в человека злого духа, широко известны также поверья о том, что его зримой ипостасью выступают чаще всего насекомые или хтонические животные. Так, русские женщины-северянки, страдающие икотой, утверждали, что бес проникает в них, залетая в рот мухой. Даже если подобный факт не был замечен, пострадавшие уверяли, что перед тем, как дух вселился, человек якобы слышал жужжание мухи (РДС, с.209). Самым же обычным способом проникновения нечистой силы в человека было неосторожное питье: заболевшая женщина верила, что она “проглотила беса в виде водяного жучка из кувшина с водой, стакана с вином, квасом и т.д.” (РДС, с.240).

В польских демонологических верованиях известны некие мелкие вредоносные духи, которых колдуньи передают людям вместе с питьем или пищей со злонамеренными целями. В наименовании этих духов чаще всего используются либо

личные имена (*Jurek, Kuba, Michalk*), либо названия насекомых и земноводных животных (*Mełel, Gadzina*), либо названия болезней (*Gościec, Macica*). По кашубским поверьям, “юрек” – это злой дух в виде червячка или волоса, которого ведьма передает человеку с едой; о бесноватом говорят “он имеет юрка” [“On ma Jurka”] (Sychta, t.2, s.112). Острые желудочные колики и спазмы определяются в польской народной терминологии словом *macica*. Считалось, что это злой дух в виде червя с острыми когтями, поселившийся во внутренностях человека (Wisła, t.6, s.175). Некое демоническое существо в образе змеи, называемое у поляков “гадина”, имело обыкновение вселяться в ребенка, в результате чего тот становился вялым и сонливым. Когда он засыпал где-нибудь возле озера или реки, вселившийся в него дух выползал в виде змеи, купался в озере и вновь возвращался в утробу ребенка. Считалось, что если в этот миг мать успеет унести спящего домой, то вредоносный дух вынужден будет искать себе другую жертву для вселения (Sychta, t.1, s.294-295).

Согласно многочисленным славянским поверьям, через еду и напитки в человека могут проникнуть незримые духи (*злая немочь, духи-лихорадки*), которые лишь в утробе человека принимают вид “разных гадов” – змей, жаб, лягушек, мышей; они сосут его кровь, терзают внутренности, делают больным или бесноватым (Афанасьев, 1994, т.3, с.520).

Как результат действенного лечения или изгнания беса часто описывается ситуация, при которой из больного вылетает насекомое или выскакивают мелкие животные. Например, при изгнании нечистой силы из кликухи у нее сначала задрожала рука, затем заломило большой палец, и из него вышел нечистый в виде бесхвостой крысы, которая тут же убежала в подпечье (РДС, с.241). О женщине, страдающей икотой, на Русском Севере рассказывали, что в результате успешного лечения она якобы рождает какую-нибудь мелкую тварь типа лягушки или крысы (Никитина, 1993, с.15).

Один из информантов польского этнографа Б.Барановского поведал о том, как его деда душил и мучил по ночам поселившийся в его горле дьявол. По совету знахаря, дед сумел изгнать нечистого, используя святую воду: из горла стал выходить гной и вместе с ним выскочил черный паук, который успел забежать за угол. Дед попытая раздавить насекомое, но паук внезапно превратился в муху и вылетел из дома. С этого момента дед выздоровел, однако занемог его ближайший сосед, случайно проглотивший в это же время какую-то влетевшую в дом муху (Baranowski, 1981, s.247).

Крестьяне Калужской губ. верили, что если кликуха не сможет освободиться от сидящего в ней беса до самой смерти, то тот выходит из умирающей вместе с ее последним вздохом. По свидетельству очевидцев, у одной бесноватой перед смертью началась рвота и вместе с нею выскочил черный червячок с палец толщиной, в четыре вершка длиной, который поспешил скрыться под печью; в тот же миг больная скончалась (РДС, с.242).

По-разному представляли себе носители традиционных верований конкретные места в теле человека, где мог размещаться вселившийся злой дух. Больше всего свидетельств, что таким местом была голова, реже называлось – сердце, грудь, желудок. Иногда говорили, что дух блуждает по всему организму или постоянно вращается там с током крови (Baranowski, 1981, s.246). Изгонявший бесов знахарь или священник специальными заговорами и молитвами старался принудить

нечистого духа выйти из тела больного. По народным поверьям, покинуть человека бес должен был тем же путем, каким проник в него (например, через открытую ранку или порез на коже, через рот, нос, ухо). В одном из русских свидетельств вселившийся черт, изгоняемый из пострадавшего, спрашивает у священника, читавшего молитвы над одержимым: “Где мне выйти?” Тот отвечал: “Откуда зашел, там и выходи”. Пока таким образом отчитывали больного, опухоль стала спадать с его лица, тела, с ног и, наконец, с большого пальца ноги – здесь якобы и вышел нечистый из одержимого (РДС, с.51).

Широкая популярность подобных представлений вызывала у этнографов и историков народной культуры удивление и недоумение. По данным, зафиксированным Н.М.Гальковским, в русских лечебниках XVII-XVIII вв. постоянно упоминаются магические приемы, с помощью которых можно якобы изгнать лягушек и змей из нутра заболевшего человека: “Несмотря на всю странность этого явления, – пишет Н.М.Гальковский, – вера в такие случаи весьма распространена в народе”. Далее он отмечает ряд свидетельств о том, что – по рассказам очевидцев – в одной из больниц у заболевшего вышло из нутра вместе со рвотой тридцать пять лягушек, а из другого – змея; в желудке у больного солдата обитали якобы пьявки. “Относительно этих случаев, – с недоумением отмечает исследователь, – мы собственного суждения не имеем” (Гальковский, 1913, т.1, с.283).

Можно предположить, что все эти загадочные данные являются свидетельством поразительной живучести архаических представлений о болезненных состояниях как следствии вселения в человека вредоносных духов. Подтверждением тому, по-видимому, служит многообразно представленный во всех славянских языках пласт фразеологических выражений, построенных по стереотипной модели: “у него мухи в голове”, сохранивших отголоски подобных мифологических поверий. Примечательная коллекция таких устойчивых оборотов проанализирована в статье О.А.Терновской “Ведовство у славян. 2. “Бзык” (Мухи в голове)”. Наиболее часто встречающиеся фразеологизмы этого типа строятся на основе таких типовых формул, как: *человек с мухами, мухи в голове и мухи в носу*. Главное их значение – ‘человек со странностями, с причудами, ненормальный, сумасшедший, дурак’. Наряду с этим в ряде диалектов отмечаются и демонологические интерпретации: *с мухой в носу* – ‘колдун’, ‘баба з мухами – цэ ведьма’, ‘у него дьявол (черт, бес) в носу’. По наблюдениям автора статьи, в составе этих вербальных стереотипов семантические колебания происходят в рамках оппозиции: дурак (идиот) – мудрец (знахарь, кудесник); ср. выражения: укр. “У нього мухи в голові” – ‘у него не все дома’, белор. “Он трохі з мухамі” – ‘ненормальный’ или “з мухамі ў галаве – дурнаваты, бесталковы”; и наряду с этим – чешск. “Ten má mušku v nose”- ‘умный, хитрый, коварный, хитроумный’, полесск. “Баба з мухами, шо много знае” (Терновская, 1984-а, с.120-124).

Фразеология подобного рода во всех славянских языках опирается преимущественно на энтомологическую лексику: помимо мух, упоминаются в сходных ситуациях мотыльки, муравьи, пауки, тараканы, хрущи, жуки, сверчки и т.п. Реже используется лексика зооморфного и орнитологического ряда (“мышь в голове”, “заяц в голове”; “воробьи, сойки, совы - в голове”). Местами локализации насекомых или животных в человеке, согласно этой фразеологии, являются: голова, нос, грудь, ухо, печень (ср. следующие обороты: полесск. “матыли ў печейнку залазять” – ‘о дураке’; чеш. “Mít mouchu v uchu” – ‘быть умным, хитрым’; “Hudci mu v prsiach hudu” – ‘заболеть’).

Близкие к этим значения отмечаются и для выражений, построенных по модели “мухи в носу”: *с мухой в носу – колдун, у нее мухи в носу* (о ведьме), *этот с мухами в носу* (о человеке со странностями), *ten ma diabła w nosie, ma cęerta v nose* и подобные,- где в сходных формулах фигурируют то “мухи”, то “черт, дьявол”.

Приведенные примеры позволяют соотнести весь круг метафорических образов устойчивых выражений типа “мухи в голове” с поверьями о вселении вредоносного духа в человека, в результате чего он становится либо “знающим” (т.е. полудемоническим существом – колдуном, ведьмой), либо приобретает признаки человека с психическими расстройствами (обнаруживал приметы слабоумия, бесноватости, опьянения, безрассудства и т.п.). Соответственно, об излечившемся говорили “изгнали у него мушек из головы”, “зайчики перестали бегать у него в голове” (Терновская, 1984а, с.124-125). В польской фразеологии подобного типа, часто выступают “сверчки”: *Ma wierszcze w głowie* (NKPP, t.1 s.650).

Представления о том, будто в голове человека могут завестись *сверчки*, Н.М.Гальковский считал весьма древними, напрямую связанными с древнерусскими верованиями, сохранившимися в средневековых источниках. Он пересказал одну из старых книжных притч о том, что один человек будто бы видел, как два ангела, пытаясь излечить одержимого бесом глухонемого, – разрезали язву на его голове, вынули оттуда насекомое “яко скочка травнаго” (т.е. кузнечика), и растоптали его ногами (Гальковский, 1913, с.283).

На основе изложенных данных можно заключить, что хотя духи, о которых идет речь, терминологически соотносятся с категорией *чертей, дьяволов и бесов*, – они обладают своими отличительными особенностями. “Вселяющиеся” духи – это незримые и бестелесные мифические существа, способные при определенных обстоятельствах принимать вид насекомого (чаще всего мухи, – что не типично для форм оборотничества *черта*) или хтонического животного; они могут вполне независимо существовать в теле человека, покидать его под воздействием ритуалов “изгнания” и переселяться в новую жертву; внутри человека размещаются в голове, горле, груди, сердце, желудке, иногда в крови; моменты вселения или выхода из больного нередко сопровождаются дуновением ветра (ср.: “Черт ветром вышел из порченой” – Краинский, 1900, с.72), а чтобы насладиться злого духа (*посадить* его в человека), колдун должен был *подуть* на свою жертву; результатом вселения было не только странное поведение, психические расстройства, но пострадавший якобы приобретал пророческий дар и чудесное сверхзнание. Все это указывает на связь “вселяющихся” духов с символикой души, оставшейся без телесного вместилища. По-видимому, речь идет о задержавшихся в земном пространстве “неприкаянных”, “бесприютных” душах людей, умерших *не своей* смертью. Интересно в этом смысле севернорусское поверье о том, что *икота* “доживает” предназначенный ей век, вселившись в человека, и покидает его, переходя в осину, тогда, когда “состарится” (Никитина, 1993, с.15).

По поведению, загадочным репликам и сообщениям вселившегося духа можно в ряде случаев определить, кем из конкретных умерших в недавнее время людей он себя осознает, – его личностные признаки проявляются, например, в том, что дух сообщает свое имя (чаще всего мужское). Согласно поверьям, записанным в Екатеринославской губ., проникший в крестьянина “нечистый” дух называл себя утопленником, объявляя: “Я Сазон-утопленник и хочу погулять в тебе, а кто меня

всадил в тебя, – не скажу!” (Краинский, 1900, с.66). С другой стороны, сами пострадавшие часто называли своего духа *отцом, батюшкой*. По свидетельству С.В.Максимова, чтобы узнать, кто “испортил” бесноватую, следовало спросить у нее “Кто твой отец?”, при этом спрашивающие стараются убедить, “что открытием тайны она не обидит сидящего в ней “батюшки” (Максимов, 1989, с.92). Подобная ситуация описывается в одном из судебных актов, посвященных делу по обвинению мельника Копалина в том, что он “портит людей”: свидетели утверждали, что испорченная им баба каждый раз при встрече с мельником бросалась ему в ноги, обнимала колени и вопила: “Не троньте моего батюшку!” (Краинский, 1900, с.51). Этот же мельник обвинялся в том, что сделал бесноватым собственного племянника Евдокима: когда с ним *случилось*, он кинулся при людях на своего дядю-мельника, называя его “отцом”, и винил за то, что тот впустил ему в утробу “воробья с золотыми перышками” (там же).

Использование терминов родства при контактах с вселившимся духом может быть, с одной стороны, результатом табуирования реального имени нечистой силы и попыткой заменить его “задабривающими”, почтительными названиями, а с другой – раскрывает определенные связи с родительскими душами (предками).

Стремление бесприютной души найти себе телесное воплощение подводит к мысли о том, что более архаической формой верований о связях человека и злого духа были представления о том, что последний преследует человека, чтобы вселиться в его тело, а не охотится за его душой, – как это изображается в христианизованных интерпретациях мотива о взаимоотношениях черта с человеком. Это подтверждается, в частности, поверьями о вселении нечистой силы в животных и даже в неживые предметы. Широко известны, например, свидетельства о том, что во время грозы люди спешили прогнать из дома кошек и собак черной масти, ибо полагали, что в них имеет обыкновение вселяться черт, чтобы спрятаться от ударов грома (Романов, 1912, с.287). Опытные рыболовы, по белорусским верованиям, ни за что не оставят себе пойманную во время грозы рыбину, у которой слишком красные глаза, – это несомненно черт, спрятавшийся в рыбу (МБ, с.92). Польские этнографы отмечали случаи, когда с помощью священнослужителей устраивались акты “изгнания дьявола” из коровы или лошади (Вагановский, 1981, с.251).

Исходя из этого, можно заключить, что будучи невидимым, бестелесным, злой дух ощущает себя более защищенным, если находит соответствующую телесную оболочку, т.е. он нуждается во вместилище как в более удобной для него форме существования. Связь с этой оболочкой оказывается иногда такой прочной, что дух не покидает тело даже умершего человека, оставаясь в покойнике, в результате чего тот становится “упырем” или “ходячим” мертвецом. Это происходит, по поверьям, с теми людьми-двоедушниками, которые при жизни “знались” с чертями. По рассказам крестьян Купянского у. Харьковской губ., “у простого чоловика, кроме души, няма никакого духа, а у видьм, упырякив и вовкулакив е дух, так шо воны и писля смерти можуть ходыты скрыз” (Українці, с.487). В карпатской демонологии “упырями” и “стригонями” называли людей, имевших при жизни две души: свою, крещеную, и вторую – нечистую. Эта демоническая душа, как считалось, покидает тело спящего и летает в виде ночной бабочки душить людей и пить их кровь, а после смерти человека-двоедушника она остается в его теле и поднимает мертвеца из могилы (Етн. Зб., 1898, т.5, с.216).

По-видимому, не случайно весь основной круг значений, связанных с представлениями о смерти, душе, предках, духах болезней, демонических персонажах, – находит отражение в славянской терминологии названий бабочек, которая включает лексику, имеющую отношение к предкам (*бабочка, бабка, бабушка*), к душе (ср. русские диалектные названия бабочек – *душа, душечка*), к персонажам нечистой силы (*видьма, мора, стрига, босорка, чаровница* и др.). Кроме того, бабочка нередко воспринималась и как образ духа болезни (чесотки, горячки, расстройства рассудка). Изучившая этот круг лексики и поверий о бабочках О.А.Терновская отмечает, что сцепление семантических элементов ‘смерть’, ‘душа’, ‘предок’, ‘злой дух’ (а в более архаической форме верований – ‘умерший до срока, *заложный* покойник’), связывающее мотылька с миром духов, – является основанием для вовлечения сюда цепочки демонологических персонажей, какими оказываются и *черт, бес, дьявол* (Терновская, 1989, с.155).

Таким образом, для категории “вселяющихся” духов характерны следующие наиболее типичные характеристики: бестелесность или ипостась насекомого и хтонического животного; соотнесенность с предками или с *заложными* покойниками, души которых “доживают” свой век в теле живого человека; потребность обрести телесное вместилище для своего посмертного существования; связь со стихией ветра, дыхания, дуновения; функция вызывания в человеке болезненных состояний и, одновременно, демонических свойств. Этот набор признаков, как нам кажется, может иметь отношение к группе мифических существ, выступающих в древнеславянских источниках под названием *навьи*, т.е. таких вредоносных духов, которые по разным причинам не могут получить возможности перейти в загробный мир и вынуждены отбывать свой посмертный срок, скитаясь между этим и “тем” светом.

Список сокращений

- Афанасьев 1994 – А. Афанас'ев, Поэтические воззрения славян на природу, 1-3, Москва 1994
- Власова 1995 - М. Власова. Новая Абевега русских суеверий: Иллюстративный словарь. Спб., 1995.
- Гальковский 1913 – Н.М.Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества. Т. 1. М., 1913.
- Етн. Зб. - Етнографічний збірник. Львів. 1887-1916.
- Жив. Ст. - Живая Старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 1994 - 1997.
- Краинский, 1900 - Н.В.Краинский. Порча, кликуши и бесноватые как явление русской народной жизни. Новгород, 1900.
- Максимов, 1989 - С.В.Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989.
- МБ - Мифы Бацькаўшчыны / Уклад. У.А.Васілевіч. Мінск, 1994.
- Никитина, 1993 - С.Е.Никитина. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- РДС - Русский демонологический словарь / Автор составитель Т.А.Новичкова. Спб., 1995.
- Романов, 1912 - Е.Р.Романов. Белорусский сборник. Вып.8. Быт белоруса. Вильна, 1912.
- Терновская, 1984 - О.А.Терновская. Ведовство у славян. 2. ”Бзык“ (Мухи в голове) //

- Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.
- Терновская, 1989 - О.А.Терновская. Бабочка в народной демонологии славян: Душа предок и демон // Материалы к VI Международному Конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы: Проблемы культуры. М., 1989.
- Тэйлор, 1939 - Э. Тэйлор. Первобытная культура. М., 1939.
- Українці - Українці: Народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991.
- Baranowski, 1981 - B. Baranowski. W kręgu urogu i wilkołaku. Jydź, 1981.
- Chmielowski, 1754 - B. Chmielowski. Nowe Ateny albo Akademia wszelkiej scyencyi peina. Lwyw, 1754.
- NKPP - Nowa ksikga przysiyw i wyraćec przysiwowych polskich. T. 1. Warszawa, 1969.
- Sychta - B. Sychta. Siownik gwar Kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrociaw:Warszawa:Krakw:Gdacsk. T. 1-7. 1967- 1976.

Die Geister, die in Menschen eindringen

Ljudmila N. Vinogradova

Der Glaube, daß schädliche Geister sich in Menschen eindringen können, ist für die Erforschung jener mythischen Wesen interessant, die als eine gewisse Anzahl kleinerer Geister unklarer Form und Herkunft charakterisiert werden und nur eine bestimmte Funktion haben: sich in Menschen einzudringen, um verschiedene Krankheiten und Störungen zu verursachen. Obwohl diese Geister oft mit "čert" oder "bes" assoziiert werden, könnte man sie auch als eine spezielle Kategorie der bösen Geister betrachten.